

Юй Сянхан застыл, ошеломлённо и растерянно уставившись на супруга.

Шэнь Цзя произнёс снова:

— Давай разведёмся.

Он стоял у кухонной раковины — в чёрных брюках и светлой кофте с длинным рукавом. Выглядел как обычно, вот только лицо казалось совершенно потухшим.

От этого взгляда у Юй Сянхана что-то болезненно укололо в груди. Шагнув в кухню, он с размаху бросил:

— Шэнь Цзя, ты что, совсем от хорошей жизни сдурел? Обязательно надо сцену устроить?

Лицо, которое Шэнь Цзя рассматривал и целовал бесчисленное количество раз, сейчас исказилось чужой, злой гримасой. Пришлось опустить взгляд — смотреть на это было невыносимо.

Юй Сянхан насупился, в его глазах читались лишь раздражение и досада.

Раньше Шэнь Цзя больше всего любил эти глаза — узкие веки, чистые, светлые зрачки. В них всегда жил открытый, жизнерадостный юноша.

Но теперь тот самый взгляд, что когда-то искрился любовью и заставлял сердце трепетать при каждой встрече, превратился в нож, по самую рукоять вонзившийся в душу.

Тот человек был прав: стоит лишь осознать, что тебя больше не любят, как доказательства сами посыплются со всех сторон. Каждое из них станет напоминать, что измена и предательство — жестокая, ничем не прикрытая правда.

— Сянхан, я не капризничаю и не ищу повода для ссоры, — Шэнь Цзя сделал паузу, пересилил себя, поднял голову и закончил: — Я всё обдумал. Я хочу развода.

Юй Сянхан издал короткий смешок. Сделав ещё пару шагов, он с раздражением схватил Шэнь Цзя за воротник и рванул к себе.

— Объявить о разводе прямо в годовщину свадьбы? Ты почему сегодня так поздно явился, Шэнь Цзя? Признавайся, завёл кого-то на стороне? Что, твоему хахалю невтерпёж стало?

Шэнь Цзя ошеломлённо уставился на него. Как... как у Юй Сянхана вообще поворачивается язык обвинять его в измене?

Всего пару часов назад этот человек кувыркался в постели с другим! Как он смеет так мерзко перекладывать вину и притворяться, будто первым предал их брак Шэнь Цзя?

Как у него получается обвинять с таким невозмутимым, чистым видом — будто это его сердце только что разбили вдребезги?

Грудь Шэнь Цзя тяжело вздымалась, тело пробила мелкая дрожь. Ледяными пальцами он вцепился в запястье мужа.

— Юй... Юй Сянхан, я хочу развестись. Я хочу развестись с тобой.

Он не мог ничего объяснить. Лишь беспомощно повторял одну и ту же фразу, снова погружаясь в детскую безысходность. В те времена, сколько бы он ни молил, сколько бы ни кричал, что не хочет, это ничего не меняло. Но тогда, будучи слабым и маленьким, он только так и мог выразить свой протест.

Раньше Юй Сянхан защищал его от внешнего мира, от любой боли. Теперь же он сам стал источником его страданий.

Юй Сянхан прищурился и с холодным лицом рванул его на себя. Шэнь Цзя вырвался из цепких пальцев, но не удержал равновесия: шагнув назад, он больно ударился об обеденный стол. Мебель с оглушительным скрежетом сдвинулась с места.

— Сегодня шесть лет нашей свадьбе! Мы вместе уже десять лет! Я собирался провести этот вечер с тобой! Раз ты завёл эту песню, я ухожу. Посиди, остынь. Когда придёшь в себя, тогда и поговорим.

Шэнь Цзя не сдержал слёз. Какая горькая ирония... Юй Сянхан, оказывается, помнит, что они вместе уже десять лет.

Они начали встречаться, когда Юй Сянхану было девятнадцать. В двадцать четыре сыграли свадьбу. И вот пошёл десятый год.

Заметив слёзы, Юй Сянхан сбавил тон, попытавшись смягчить голос:

— Ну чего ты опять расплакался? Ладно, ладно, никуда я не иду. Сделаем вид, будто я ничего не слышал. И вообще, с чего ты вдруг вздумал разводиться?

Он протянул руку, чтобы утереть слезу со щеки Шэнь Цзя, но тот отпрянул. Ладонь Юй Сянхана зависла в воздухе.

— Юй Сянхан... Насчёт развода... я серьёзно...

Не дав ему договорить, Юй Сянхан шагнул вплотную, прижал Шэнь Цзя к столу и грубо схватил за острый подбородок, намереваясь поцеловать.

— Не трогай меня! — вырвался у Шэнь Цзя почти истерический крик. Он со всей силы толкнул мужа в грудь, так что тот пошатнулся.

Шэнь Цзя стал судорожно отирать подбородок рукавом, растирая кожу докрасна, но заходящиеся в дрожи пальцы никак не могли остановиться.

Только теперь Юй Сянхан понял, что Шэнь Цзя не шутит.

Лицо мужа смертельно побледнело, а в обычно кротком взгляде читалось отчаянное отвращение. Шэнь Цзя дрожал от страха так, словно вот-вот завалится на пол, но всё равно стоял и отчеканивал каждое слово: «Я хочу развестись».

— Ладно. Развод, значит?

Юй Сянхан достал телефон, открыл чат с отцом Шэнь Цзя и ткнул экраном ему в лицо, показывая истории переводов.

— Хочешь свободы — забирай! Только долги твоей семейки, которые я закрывал, и деньги, что твой папаша тайно у меня вытягивал, вернёшь до копейки! И квартиру. Я её покупал, так что изволь освободить помещение!

Его взгляд опустился на левую руку Шэнь Цзя, где на безымянном пальце блестело простое кольцо. Юй Сянхан зло усмехнулся:

— Кольцо, кстати, тоже куплено на мои деньги. Его тоже отдашь?

Шэнь Цзя расширенными от ужаса глазами уставился в экран. Он и понятия не имел, что его биологический отец до сих пор общается с Юй Сянханом и тянет из него деньги!

Он протянул руку, чтобы взять телефон, но Юй Сянхан отдернул ладонь.

— Ты... ты же сам говорил, что его осудили! Что он больше никогда не появится!

Шэнь Цзя в ужасе поднял взгляд. Юй Сянхан насмешливо бросил:

— Шэнь Цзя, ты всё такой же наивный дурачок. Думаешь, от Шэнь Цяньлуна так легко избавиться? Все эти годы ты жил в покое только потому, что я платил за твою безопасность!

Шэнь Цзя отпятился и будто совсем обмяк. Юй Сянхан убрал телефон, силой усадил его на стул, а сам опустился на корточки и сжал его длинные, ледяные пальцы.

Он думал, что испугал мужа и теперь тот откажется от своей глупой затеи, а пара ласковых слов окончательно закроет тему. Но Шэнь Цзя тихо произнёс:

— Я всё тебе верну. Квартиру я не беру. Кольцо забирай. От совместного имущества я отказываюсь.

Лицо Юй Сянхана потемнело. Он поднялся, повернулся к нему спиной и тяжело вздохнул.

После дневной постельной кутерьмы тело и так гудело от усталости, а тут ещё приходится возиться с капризами Шэнь Цзя. Раздражение окончательно взяло верх.

— Ты хоть соображаешь, о чём говоришь? Чем ты отдавать собрался? Сколько ты зарабатываешь и сколько потратил я? Как ты отдашь такие деньги? Шэнь Цзя, хватит паясничать! Я и так сегодня с работы раньше времени примчался, чтобы побыть с тобой, а ты устраиваешь тут цирк!

Шэнь Цзя молчал. Опустив голову, он взялся за гладкое обручальное кольцо и стал медленно стягивать его с пальца.

Поскольку кольцо не снимали целых шесть лет, оно сидело очень плотно. Кожа у основания пальца покраснела, но Шэнь Цзя словно не чувствовал боли — упорно и сосредоточенно продолжал стягивать металл.

Когда-то, когда это кольцо только надевали ему на палец, он казался себе самым счастливым человеком на свете. И сейчас, снимая его, он всё так же отчётливо помнил момент, когда Юй Сянхан делал ему предложение.

«Шэнь Цзя, выходи за меня!»

«Я буду любить и защищать тебя вечно. Тебе больше никогда не придётся дрожать от страха».

«Я подарю тебе настоящий, счастливый дом».

Тогда, только-только окончив университет, Юй Сянхан стоял перед ним на одном колене, сжимал его ладонь и говорил эти слова с безупречной искренностью.

Даже звёзды на ночном небе не могли сравниться с блеском его глаз в тот миг. Разве мог Шэнь Цзя не отдаться этому чувству?

— Я напишу расписку. График и сумму ежемесячных выплат установишь сам. Скажешь, что долг закрыт — значит, закрыт. А что до Шэнь Цяньлуна... дай мне его контакты. Я сам буду с ним разбираться, тебя это больше не касается.

Юй Сянхан в крайнем раздражении развернулся и обомлел: Шэнь Цзя уже стоял за его спиной, протягивая левую ладонь.

На ней лежало маленькое кольцо. На раскрытой ладони проступали знакомые до боли линии, а на безымянном пальце, где ободок оставался непрерывно шесть лет, остался заметный след.

— Держи. Расписку я могу написать прямо сейчас, а завтра пойдём подавать на развод.

Шэнь Цзя смотрел на него. Уголки его глаз покраснели, но сам взгляд превратился в глубокое, стоячее болото, где не было ни единой всплеснувшей волны.

Из кабинета принесли лист бумаги, со щелчком сняли колпачок с чёрной ручки. В тишине квартиры раздалось сухое шуршание, и вскоре перед Юй Сянханом лёг документ.

По центру красовалось слово «РАСПИСКА», а ниже ровным, изящным почерком тянулись строки:

«Я, Шэнь Цзя, настоящим подтверждаю, что обязуюсь выплатить Юй Сянхану денежный долг. Точная сумма устанавливается заимодавцем, Юй Сянханом. Выплаты осуществляются ежемесячно, первого числа, начиная с 17 июля 2025 года. Срок окончания выплат и процентная ставка определяются заимодавцем, Юй Сянханом».

Это была составленная на скорую руку, абсолютно неграмотная с юридической точки зрения бумага, но Шэнь Цзя быстро поставил подпись, прижал вымазанный в чернилах палец и пододвинул лист к Юй Сянхану.

Тот не шелохнулся. Почти минуту он разглядывал этот абсурдный документ, а затем спросил:

— Шэнь Цзя, ты уверен? Сколько скажу — столько и отдашь? Сколько скажу — столько и будешь платить?

— Да, — тихо отозвался Шэнь Цзя.

Кольцо так и осталось лежать на столе — Юй Сянхан его не забрал.

Юй Сянхан размашисто черкнул свою подпись и холодно бросил:

— Запомни: если ты потом припадёшь к моим ногам с мольбами, я и пальцем не поведу. Раз уж тебе невтерпёж развестись — проваливай прямо сегодня.

Расписку составили в двух экземплярах. Убрав свой лист, Шэнь Цзя отправился в спальню собирать вещи.

В комнате всё ещё витал тот самый липкий, двусмысленный запах. Юй Сянхан не забыл принять душ, зато забыл проветрить спальню. Шэнь Цзя лишь горько усмехнулся.

Юй Сянхан никогда не отличался внимательностью к деталям. Именно поэтому Шэнь Цзя увидел на заблокированном экране его телефона всплывшее сообщение: «Когда снова приедешь ко мне спать?». Именно поэтому заметил у ножки дивана разорванный квадратик упаковки. И именно поэтому сегодня потянул на себя неплотно прикрытую дверь.

Но в то же время Юй Сянхан был по-своему наблюдателен. Он прекрасно видел, как сильно Шэнь Цзя от него зависит. Знал, что тот раз за разом проглотит любые измены. И понимал, что сейчас слова о разводе — не пустая угроза.

— Я ухожу, — Шэнь Цзя застыл у дверей с чемоданом в руке. Пальцы сжали дверную ручку. Помолчав секунду, он тихо добавил: — На кухне продукты, что я купил... Обязательно поешь вечером, а то опять желудок прихватит. И впредь...

Договорить он не успел. Мимо его плеча со свистом пролетела ваза.

Раздался звонкий треск, и фарфоровые осколки сыпанулись на пол.

— Убирайся уже! — донёсся сзади ледяной окрик Юй Сянхана.

У Шэнь Цзя перед глазами всё поплыло. Он уставился на осколки с нарисованными ромашками — эту вазу они выбирали вместе, когда только въезжали в этот дом.

Больше он не произнёс ни слова. Нажал на ручку, переступил через разбитый фарфор и вышел, закрыв за собой дверь. Без оглядки и без единого звука.

На улице царила глубокая ночь. Стоило ему выйти из жилого комплекса, как вдоль дороги зажглись фонари. Шэнь Цзя поднял голову, всматриваясь в их яркий свет, но ощутил, как его затягивает ещё более непроглядная тьма.

Он не видел перед собой никакой дороги. Не представлял, как строить дальше свою жизнь.

Счастливая семья с Юй Сянханом, совместная старость — всё, к чему он так страстно стремился и ради чего жил, рухнуло в один миг.

Словно заведённая кукла, Шэнь Цзя добрался до ближайшей гостиницы, снял номер и расплатился картой.

Захлопнув дверь, он застыл. В полной тишине чётко отсчитывали секунды настенные часы: тик-так, тик-так. В тёмной комнате этот звук казался оглушительным.

Ночи в одиночестве всегда возвращали Шэнь Цзя в детство — в тот мрачный подвал, где его запирал Шэнь Цяньлун.

Он вставил карту в разъём, и номер затек ярким светом. От движения рукав кофты сполз вниз, обнажив бледное предплечье.

Кожа была покрыта густой сеткой старых шрамов от порезов и глубокими тёмными отметинами от потушенных сигарет.

Вокруг было слишком тихо. Так тихо, будто во всём мире не осталось ни души.

Шэнь Цзя сделал шаг внутрь номера, но ноги подогнулись. Силы окончательно оставили его. Он рухнул на пол, так и застыв без движения. Переносица больно врезалась в ламинат, в носу зажгло, и из глаз хлынули слёзы.

Почему всё так закончилось?

Вместо соглашения о разводе — кабальная расписка.

Вместо обещания быть вместе до старости — грязная измена.

А вместо долгожданного счастья — предательство.

Разве можно строчкой «сумма долга определяется Юй Сянханом» перечеркнуть все эти годы, перечеркнуть общую судьбу? Разве можно этим измерить все пролитые слёзы и всю растраченную любовь?

Шэнь Цзя не знал. Он правда этого не знал.

Он знал лишь одно: с этого дня он снова совершенно один.

Свернувшись в тугой комок на холодном полу, Шэнь Цзя обнял себя руками за плечи и зарыдал в голос.

Ресницы слиплись от слёз. Задыхаясь, он судорожно ловил ртом воздух, а потом стал

беспощадно бить кулаком по своей худой, незащищённой груди — лишь бы заглушить ту невыносимую боль, что разрывала сердце изнутри.

Слёзы капали с подбородка, собираясь на полу в крошечную лужицу, но никакая лужа не смогла бы вместить всю ту чёрную тоску, что затопила его душу.

<http://bllate.org/book/19971/1985742>